

«У них работа такая — мясорубку крутить»

Эти удивительные слова сказал в адрес ингушских ментов отец зверски запытанного парня.

Сегодня уже суд выходит на прения.

Хотелось бы сказать, что дело Читигова вытасило наружу, на всеобщее всероссийское обозрение, главные беды ингушского общества; и данный случай доказывает, что даже в Ингушетии вполне возможно торжество справедливости и кара злодеям; и что если бы не деятельное участие главы республики Юнус-Бека Евкурова в расследовании этого дикого случая, то ничего бы не выгорело... Все, конечно, так — только немножко сложнее.

Дело Зелимхана Читигова, к сожалению, вполне возможно, так и останется беспрецедентным.

Что случилось с Зелимханом Читиговым?

Утром 5 апреля 2010 года в ОВД Карабулака прогремел взрыв, следом еще один. 13 человек были ранены, двое погибли — в том числе Руслан Нальгиев, брат Илеса Нальгиева, и.о. начальника криминальной милиции Карабулака. Илес как раз недавно принял брата на работу.

В ходе расследования в поселке Промжилбаза, где в основном живут беженцы из Чечни, взяли двух ребят — якобы по причастности к взрыву в милиции. Вскоре, рано утром 27 апреля, прямо из постели забрали и Зелимхана Читигова.

Зелимхан работал на стройке, кормил семью, троих детей. Он — чеченец, беженец, из очень простой семьи. Его отец всю жизнь ремонтировал часы и обувь.

У задержания была предыстория. Как рассказывал позже Зелимхан, еще до взрыва, в феврале, он, возвращаясь с работы, сел в попутку. Попутка, в которой были люди в черной униформе, доставила его в ОВД. В отделе некий человек (как позже выяснилось — Илес Нальгиев) уговаривал его помочь «очистить республику». Предлагал оружие и деньги.

А республику, надо сказать, и так в то время сильно чистили: магазины, заподозренные в торговле спиртным, придорожные сауны — горели как спички. Все списывалось на *лесных*, которых периодически уничтожали.

Читигов не захотел чистить республику и сослался в своей позиции на авторитет начальника ОВД Гулиева, который по телевизору недавно как раз убеждал молодежь не делать подобного. Нальгиев тогда привел его в кабинет этого начальника, и тот очевидно поддержал линию своего подчиненного.

Как показалось, та встреча прошла для Зелимхана Читигова без последствий.

Но вот 27 апреля его опять забрали. И уже не деликатничали.

В руках милиции, а конкретно — сотрудников Центра по противодействию экстремизму, Читигов провел четверо суток — с 27 по 30 апреля 2010 года. Все это время его проверяли на предмет причастности к тому взрыву — люди, которые толк в своем деле знают. Некоторых из них Читигов позже опознал. Среди них был и Илес Нальгиев.

ЦПЭ — это такая совершенно отдельная, закрытая каста ментов, нацеленная на разоблачение террористов. Признание, как известно, — царица доказательств, и о том, какими способами разоблачают террористов цэповцы, как их тут называют, мы сейчас можем говорить уже конкретно — благодаря нечеловеческому мужеству Зелимхана Читигова. Хотя и до этого бывали случаи, дающие пищу для размышлений.

Чтобы не приводить здесь краткую энциклопедическую справку по современным видам пыток на Кавказе, я не буду писать о том, что именно с Зелимханом делали. А приведу лишь его собственную цитату из ныне широко известного интервью Шуре Буртину. Зелимхан вспоминает, что на третий день пыток один из ментов спросил

его: «Что ты за существо? Здесь через два дня или брали на себя, или умирали...»

А Зелимхан Читигов не умер даже и на четвертый день, и на себя брать ничего не стал, хотя один из ребят, задержанных на Промжилбазе, указал на него как соучастника подрыва ОВД[1].

Тут уже Зелимхана разыскали родственники, подтянулись дознаватель, адвокат, процесс стали захихивать в условно законное русло.

Тем временем в вагончике, где Читигов проживал с семьей, милиция уже провела обыск. В ходе обыска якобы нашли взрывное устройство — в кровати дочери. По официальной версии, это устройство тут же было подорвано — без экспертизы, без каких-либо документальных подтверждений данного факта[2]. Ментам казалось, что эта сказка на сто процентов обосновывает арест Читигова и объясняет к тому же его нечеловеческое состояние после общения с ними.

На суде по избранию меры пресечения Зелимхан присутствовал уже совершенным овощем, однако никто из служителей закона не обратил на это особого внимания. Ему без комментариев дали подписку о невыезде. Из суда Зелимхан был отправлен в больницу. Он не мог ни стоять, ни ходить, ни говорить. У него был сильно травмирован позвоночник, в мозгу из-за воздействия тока образовалась киста. Барабанная перепонка разорвалась, и во внутреннем ухе развился тяжелый абсцесс. С психикой происходили страшные вещи.

Читигов лечился сначала в Ингушетии, потом родственники добились права вывезти его, подследственного, в Чечню, где есть томограф.

На тот момент еще ничто не предвещало, что заурядное происшествие получит такой резонанс. Все ведь говорят о пытках в милиции — но часто ли дело доходит до суда?

Как состоялось «дело Читигова»?

Я разговаривала с Тимуром Акиевым, главой ингушского «Мемориала», о том, почему именно Зелимхану Читигову суждено было сыграть эту судьбоносную роль в истории ингушского правосудия. «Чисто случайно», — сказал мне Тимур и тут же привел свежий случай с Исмаилом Цечоевым, которого сотрудники ФСБ в ноябре прошлого года вытащили из дома в станице Орджоникидзевская, а спустя три дня попытались, едва живого, сдать в Сунженский РОВД. (Конкурирующие силовики часто так стараются устроить дело, чтобы следы мокрых дел подчищал кто-то другой. И Зелимхана Читигова, когда он уже умирал, цэповцы тоже хотели пристроить к русским фээсбэшникам, и те тоже не захотели за ингушами прибираться.)

Сунженский РОВД встал грудью и не разрешил прикомандированным Цечоева к себе заносить — боялись, он умрет, а на них все свалят. Данный факт даже зафиксирован медиками, которых позвали полицейские. Цечоев остался инвалидом, однако уголовного дела по этому поводу что-то не видно.

Счастливая звезда Зелимхана — он, благодаря героическому ингушскому «Мемориалу», попал в поле зрения Светланы Ганнушкиной. Тимур говорит, что родственники Зелимхана, мать, отец, когда впервые обратились в «Мемориал», даже не особенно-то искали правды, не за тем пришли, чтобы кого-то призвать к ответу. Они, совсем небогатые, хотели только, чтобы Зелимхана подлечили, — тогда полное его выздоровление казалось вообще невероятным. (Не надо обвинять их в бесхребетности — так себя повело бы абсолютное большинство ингушских родителей; жив — и слава богу. А до конца, до составления петиций-воззваний, до обращений в прокуратуру, в президентскую администрацию и в Страсбург идут, как правило, родственники тех, кого в живых уже не надеются увидеть.)

Мемориальцы рассказали про случай Читигова Светлане Ганнушкиной, та устроила искалеченному парню поездку в Москву, в Боткинскую больницу. Но, понятно, настойчивая Ганнушкина была заинтересована не только в том, чтобы Зелимхана вылечить. Она обеспечила делу существенную медийную поддержку, теребила Юнус-Бека Евкурова, и в конце-концов, спустя год с небольшим после того, как Зелимхана забрали в ЦПЭ на страшные четверо суток, Евкуров сказал свое окончательное слово.

1 июня 2011 года Светлану Алексеевну пригласили в Магас, где глава республики собрал к ее приезду представителей абсолютно всех силовых ветвей. На этой встрече, допросив собравшихся по делу, возбужденному против Зелимхана, он констатировал: «Никакой взрывчатки не было, и вы сами это прекрасно знаете».

Тем самым в деле против Зелимхана фактически была поставлена точка, а делу против ментов, его пытавших, напротив, была открыта зеленая улица.

Здесь стоит сделать одну важную оговорку: более года Юнус-Бек был настроен к читиговской истории совсем иначе. «Он причастен к взрыву, и я докажу вам это», — приводит его слова Светлана Ганнушкина. Этой гипотетической причастностью к преступлению глава республики фактически обосновывал то, что случилось с Читиговым, как *должное*. Как будто пытки в милиции — отнюдь не форс-мажор, а только лишь крайняя, но допустимая мера воздействия. Примечательно, кстати, что оба подсудимых — Гулиев и Нальгиев, — отрицая собственную причастность к преступлению, твердят все этот же аргумент: «И все-таки он был виноват». Ингушетия, при всей ее неискоренимой средневековости, в этом смысле мало отличается от остальной России. Вспомните, когда всплыл случай с казанским шампанским, вслед за первыми констатациями дикого случая пошли расширенные его трактовки. И журналисты, и правозащитники хором выступили в таком гуманитарном ключе: что да, человек, убитый в отделе, конечно, имел несколько судимостей — однако это не давало повода применять к нему бутылку из-под шампанского.

Но не кажется ли вам, что сама допустимость подобной риторики — это уже всеобщее признание в том, что в нас, россиянах, едва ли не в каждом, есть хоть капля ингушского средневековья? А в ком-то и поболее, и этот кто-то неизменно принимает ключевые решения.

Действительно, о пытках в полиции говорят по всей стране — от Приморья до Геленджика, но часто ли дело доходит до суда? Установка в общем-то понятная: в стране в целом и в Ингушетии в частности существует «бан», негласный запрет на выпады в сторону ментов. Это некое априорное правило игры для всей вертикали — соблюдаемое, наверное, в интересах поддержания некоей фантомной *стабильности*.

Пострадавшие и правозащитники могут сколько угодно кричать о пытках, предъявлять в качестве доказательства свои и чужие изуверченные тела, однако ни прокуратура, ни следственный комитет и ухом не поведут. У них тоже на эту тему «бан». А иначе вся стабильность к черту повалится.

Главы регионов соблюдают нейтралитет в конфликтах вверенного населения с полицией-милицией, даже если речь идет об очевидных случаях. К примеру, Батыра Албакова, якобы убитого близ селения Аршты, ингушские власти обвинили в том, что его похищение силовиками было инсценировано, а на самом деле он ушел с группой боевиков и отстреливался при задержании. *«Вспомни те, как немцы или украинские националисты переодевались в форму Красной армии, а местные жители искренне верили, что это зверствуют красноармейцы»*. Все бы поверили — но Албаков, если судить по состоянию тела, отстреливался, будучи частично расчлененным, еще прижизненно. Как такое объяснить?

Или вот еще случай. 21 марта прошлого года в центре Назрани среди бела дня похитили Илеза Горчханова. Похитители в военной форме и в масках действовали открыто, случившееся даже было заснято кем-то из прохожих на мобильный телефон.

Родственники, как обычно, стали искать своего Горчханова в ФСБ, ОРБ, ГОВД. Но склонялись всё же к тому, что парня забрали в Центр «Э». Отец прорывался на прием к президенту, но тот не принял, доверил эту встречу, увещательного плана, председателю Совета безопасности. На третий день бесплодных розысков родственники устроили даже митинг, который разогнала полиция, довольно жестоко.

Потом Илеза все же нашли; то, что от него осталось. Обезображенное тело выловили в реке. Родственники подняли крик, что Илеза запытали, на что глава республики Евкуров публично отреагировал в том духе, что Горчханов загулялся и сам упал в реку. «Не было там никаких следов пыток. Синяки и ссадины на теле связаны с деформацией тела в воде — река тащила, это не связано с пытками» — так он закрыл тему.

Не знаю, как эта версия объясняет ожоги на теле погибшего, вырванные ноздри и много еще чего. И вот уж не думаю, что генерал Евкуров, прошедший огонь и воду, имеющий орден Героя России, сам всерьез верит в то, что говорит. Или что, как полагают многие, «ему неверно докладывают». Есть, наверное, причины, по которым он произносит эти речи, совершенно не красящие офицера. Как, вероятно, были особые причины, по которым он дал отмашку судить Гулиева и Нальгиева. И печальная правда состоит в том, что судят их совсем не за издевательства над Зелимханом Читиговым. Это обвинение, предъявленное к тому же лишь одному Нальгиеву, — показательная порка, довесок к остальному составу, вменяемому бывшим милиционерам. И, если хотите, — реверанс, знак уважения главы республики к Светлане Алексеевне Ганнушкиной и к ее великому делу.

За что их судят на самом деле?

Судят двоих, хотя людей, пытавших Зелимхана, было намного, намного больше. Остальных работников ЦПЭ (имена известны) власти не сдали. И даже когда следователь пытался прорваться в ЦПЭ, на место

преступления, — его там послали.

Делайте выводы о ценности правосудия для силовиков и властей Ингушетии.

Гулиеву и Нальгиеву предъявлено обвинение в нарушении пяти статей УК. Им инкриминируют превышение должностных полномочий, злоупотребление этими полномочиями, похищение документов, подделку документов и, в случае с Нальгиевым, причинение тяжких телесных. Пострадавшими от их действий проходят 15 человек, среди которых растворился и Читигов. Собственно, всё, в чем обвиняют Гулиева и Нальгиева, — это ткань повседневной жизни современного полицейского (в Ингушетии да и вообще).

Оба — под подпиской. Делайте выводы о том, как прокуроры/судьи оценивают общественную опасность людей, способных пролить человеческую кровь.

У подсудимых свои соображения о том, за что конкретно они попали под суд. И, сдаётся, они недалеко от истины: в том, что не будь за ними других «подвигов» — и случай с Читиговым остался бы незамеченным.

Я встречалась с подсудимыми и должна сказать, мне показалось, что оба они крайне растеряны из-за того, как всё для них обернулось. Оба до недавнего времени казались незыблемыми фигурами районного масштаба, оба были в фаворе у *людей, принимающих решения*. Надеялись на некие гарантии — а тут система дала сбой.

Назир Гулиев и Илес Нальгиев, согласно обвинительному заключению, все свои дела вершили, будучи штатными сотрудниками ЦПЭ. В феврале 2010 года на Гулиева были «возложены обязанности» и.о. начальника ОВД Карабулака. На Нальгиева так же «возложили» и.о. начальника криминальной милиции. (Быть может, немного не к месту я упомяну этот факт, но вновь назначенный милицейский начальник Назир — родной брат жены Увайса Евкурова. А Увайс Евкуров, в свою очередь, родной брат главы республики Юнус-Бека Евкурова.[3])

Гулиев пробыл и.о. чуть более полугода, как и Нальгиев. Вместе они, вероятно, действительно пытались навести на вверенной территории порядок — но порядок в своем опричном представлении. Порядок этот был настолько суровый, что даже подчиненные Гулиева, на кадыровский манер переодетые им в черную форму, в итоге взбунтовались. Они колонной ходили жаловаться в республиканское МВД: говорили, что Гулиев, бравирюя своей близостью к республиканской верхушке, заставляет их облагать коммерсантов неподъемными поборами, задерживать на улицах невиновных людей и вешать на них терроризм. Конечно, такие вещи и до Гулиева были нормой, но тут уже и бывалых поразил масштаб.

Имел место еще эпизод с нефтью, который, как полагают оба подсудимых, и стал основной причиной возбужденного против них дела. (А вовсе никакой не Читигов.)

В июле 2010 года Нальгиев поймал на окраине Карабулака КамАЗ, груженный нефтью, а также сопровождавшую его «Приору». (Нефть буквально реками вытекает из республики налево; но эта, как следует из обвинительного заключения, была легальная.) Обе машины загнали в отдел, людей, в них находившихся, без протокола задержали. Гулиев объявил стоимость освобождения — миллион; а иначе — дело по терроризму.

Как написано в обвинительном заключении, задержанные (а ныне потерпевшие) откупились, заплатив всего 600 тысяч. Теперь же, в суде, они отрицают даже эти 600 тысяч.

Обвиняемые же видят обстоятельства случившегося несколько под другим углом: полагают, что, выполняя служебный долг, случайно зацепили чьи-то интересы. Якобы о творящемся вокруг нефти беззаконии им было известно давно (как и всем в республике), и, возглавив местную милицию, они ринулись пресекать беззаконие. Но перед тем как лезть в эту мутную воду, они попытались согласовать свои действия с Увайсом Евкуровым, понимая, что нефть из поля его внимания никак не могла выпасть.

— Я бы сам туда никогда не полез. Даже вон Каддафи через нефть голову оторвали, — объясняет Гулиев свою осмотрительность.

— Я с ним (с Увайсом. — О. Б.) сам лично говорил, он приехал в ОВД, — вспоминает Нальгиев. — Я его спросил: если твоя нефть, скажи: «Да, я ее контролирую». Тогда вопрос по-другому будет.

Но Увайс отмахнулся: ловите кого хотите. Он фигура не того масштаба, чтобы объясняться перед мелким милицейским начальством.

Нефть была задержана. А вскоре *люди, принимающие решения*, со слов Гулиева, «пришли к мнению, что я

создал проблему. Я перешел дорогу большим людям и за это должен быть наказан».

Я не верю в то, что Гулиев и Нальгиев из бескорыстных соображений пытались пресечь кражу нефти. Хотя бы потому, что, когда пресекают преступление, — не спрашивают разрешения у человека, возможно, причастного к этому преступлению. Я думаю, они просто попытались расширить кормушку — но, видно, не рассчитали силы.

Эта версия причины судебного разбирательства против Гулиева и Нальгиева несколько не оправдывает их, однако она вызывает массу вопросов уже к руководству республики. Пусть это прозвучит наивно, но: как так получается, что людей на ключевые позиции назначают/снимают исходя не из закона Российской Федерации, а из родственных отношений? Почему начальник милиции, прежде чем пресечь преступление, спрашивает разрешения у брата главы республики?

В заключение

Зелимхан Читигов лечился много месяцев. Врачи московской Боткинской больницы сумели поставить его на ноги, он заговорил. Недавно Зелимхан перебрался с семьей в Норвегию, получив так называемый позитив — разрешение на пребывание в стране. Его отец, Шейх Читигов, оставшийся в Ингушетии, оценивает это событие исключительно положительно: «Ну что бы они здесь жили? Что бы видели? А там у детей есть шанс вырасти, выучиться, приносить людям пользу».

Позитив — голубая мечта беднейших слоев ингушского общества. Читай — большинства. Все хотели бы, чтобы их сыновья вырастали, учились, приносили людям пользу. В условиях Ингушетии не у всех получается выполнить даже первый пункт этого нехитрого плана.

Комментируя половинчатые итоги расследования, которое «не заметило» основных участников издевательств над Зелимханом, Шейх Читигов говорит парадоксальную вещь, от которой я прихожу в замешательство:

— Я не в обиде на работников ЦПЭ, — говорит он. — У них работа такая — мясорубку крутить. А Гулиев и Нальгиев должны ответить — они же ОВД.

Вот главная беда Ингушетии. Ее народ выстрадал свое единство и целостность, свое достоинство и пытается теперь встроиться как-то в цивилизованный мир, заявляя о приятии главных ценностей человечества. Однако республика (от главы до простого часовщика) не понимает одной очень важной вещи: претендуя на эту ментальную близость, нельзя походить на остальной мир лишь внешне, лишь в декларациях. Нельзя и дальше соблюдать в себе эту средневековость, по меркам которой пролитая человеческая кровь — не преступление в сравнении с украденной нефтью; которая оправдывает и даже одобряет пролитие крови.

Впрочем, эта средневековость, увы, беда не одной только Ингушетии.

[1] Позже оказалось, что парень оговорил себя и Читигова под пытками. Его все равно судили (а иначе как?), но по другой статье, не за взрыв в ГОВД.

[2] Спустя год с лишним в ходе расследования дела против Зелимхана Читигова было установлено, что никакой взрывчатки в кровати не было. Уголовного дела против людей, оформивших эту подставу, до сих пор не существует.

[3] Формально в публичных разговорах его называют руководителем службы охраны главы, однако роль Увайса в республиканской политике куда как шире. В Ингушетии за ним закрепилось меткое прозвище Кассир, но если бы его звали «начальник отдела кадров» — это тоже было бы верно.

Ольга Боброва, Назрань — Москва

Автор: Артур Скальский © Русский репортер РАССЛЕДОВАНИЯ, РОССИЯ

👁 5897 23.07.2012, 13:34 📌 305

URL: <https://babr24.com/?ADE=107351> Bytes: 19899 / 19801 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasylar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)